

В итоге они вчетвером, да ещё и вместе с Ван Чуанем, едва-едва смогли дотащить всю эту огромную гору вещей до класса.

Ребята из первого класса были приятно удивлены и польщены — никто не ожидал, что им тоже перепадёт такая халява.

Помимо сладостей, Ван Чуань принёс специально заказанный для спортсменов транспарант со словами поддержки: золотые иероглифы на красном фоне. В развёрнутом виде он достигал трёх с половиной метров в длину и выглядел невероятно круто.

Ху Цзюнь, разглядывая всё это добро, так и цыкал языком от удивления:

— Староста, мне вдруг показалось, что даже если наш класс на этом спортивном фестивале займёт самое последнее место в общем зачёте, это вообще не важно. Ну у кого ещё будет такой шикарный антураж, а?!

Остальные согласно закивали головами.

— Соревнования ещё даже не начались, а ты уже тут пораженческие речи толкаешь, — с улыбкой осадил его Цяо Муюй, — занять последнее место — это же форменный позор. Как ни крути, а проигрывать соседнему второму классу отличников нам точно нельзя.

— Староста прав! Всем нужно постараться, давайте поборемся за место в первой пятёрке на параллели!

— Да! Первый класс, вперёд!

Боевого духа ребятам из первого класса было не занимать, вот только спортивные достижения — это не то, чего можно добиться одними лишь громкими лозунгами.

После нескольких раундов коротких забегов почти все участники от их класса вылетели ещё на этапе отборочных.

Если не считать Ху Цзюня, то единственным, кто прорвался в финал, стал Лу Чжэнь, занявший первое место в своей группе на дистанции сто метров среди юношей.

И хотя эти юные гении не могли тягаться с другими классами на беговой дорожке, тексты в поддержку своих спортсменов они писали на высшем уровне. Разнообразная хвалебная лесть лилась рекой: ребята сделали ставку на принцип «главное — участие» и просто весело проводили время.

За звуками стартовых пистолетов незаметно пролетела вся первая половина дня.

После обеденного перерыва ученики, всё ещё полные энтузиазма, снова собрались на стадионе, чтобы продолжить наблюдать за ходом соревнований.

Цяо Муюй, проводив очередную группу спортсменов на регистрацию, вернулся на трибуны, чтобы перевести дух. Он вытащил из рюкзака блокнот для черновиков, собираясь написать ещё несколько подбадривающих лозунгов для атлетов своего класса.

Однако в процессе рисования у него зачесались руки, и когда он пришёл в себя, то обнаружил, что уже вовсю делает наброски карандашом с натуры.

Он как раз увлечённо рисовал спортсменов, тренирующихся прыгать в высоту, когда Ду Цзинфэй плюхнулся рядом с ним:

— Муюй, а когда начнётся финальный забег на сто метров у третьеклассников?

Цяо Муюй, не поднимая головы, ответил:

— Да уже скоро, должно быть. Я только что проводил его на регистрацию к судейской трибуне.

Стоило ему договорить, как из громкоговорителей раздалось объявление о начале соревнований.

— Эй-эй-эй, начинается! — Ду Цзинфэй вытянул шею, всматриваясь в сторону старта, — на какой дорожке бежит Лу Чжэнь?

Цяо Муюй:

— На третьей.

Ду Цзинфэй быстро отыскал его глазами, а затем снова громко вскрикнул:

— Охренеть, Чжоу Шэньюань тоже там! Он на пятой дорожке!

— То, что он прошёл в финал — вполне естественно. Помнится, в сегодняшних утренних отборочных он тоже прибежал первым в своей группе.

— Ничего себе он силён, — Ду Цзинфэй потер подбородок, и в его голосе проскользнули нотки беспокойства, — как думаешь, Лу Чжэнь не станет поддаваться в забеге, чтобы нарочно проиграть своему брату?

— Откуда мне знать.

Пока они разговаривали, судья во весь голос скомандовал:

— На старт! Внимание!..

Цяо Муюй почему-то тоже занервничал и невольно поднялся с места, чтобы лучше видеть.

Бах! Прогремел стартовый выстрел, и спортсмены, словно выпущенные из лука стрелы, рванули вперёд.

Атлетичная фигура Лу Чжэня, подобно натянутой тетиве, мгновенно высвободила всю свою мощь. Буквально с первой секунды выстрела он захватил лидерство, оставляя на дорожке лишь стремительный, похожий на порыв ветра силуэт.

Расстояние было приличным, и Цяо Муюй не мог разглядеть выражение его лица. Он видел лишь, как солнечные лучи скользили по его развевающимся волосам, покрывая их прыгающим золотистым блеском — это выглядело ослепительно красиво.

Вот так, неостановимо, он первым пересёк финишную ленту.

— А-а-а-а, первое место! — трибуны первого класса взорвались бурными овациями. Все прыгали и размахивали руками от радости, едва ли не со слезами счастья бросаясь друг другу в объятия.

Цяо Муюй же ещё долго не мог прийти в себя. Образ юноши, несущегося по беговой дорожке, словно картина, глубоко запечатлелся в его сознании. Он не удержался, взял карандаш и, опустив голову, принялся увлечённо и аккуратно выводить контуры на белом листе.

Сидевший рядом Ду Цзинфэй не смог сдержать восхищённого вздоха:

— Вот это мощь! За все три года это наша первая золотая медаль на спортивном фестивале. Можно сказать, сегодня сбылась наша мечта! Муюй, пойдём поздравим Лу Чжэня!

Цяо Муюй поднял глаза на финишную черту, где Лу Чжэня уже окружила толпа людей, и поиронизировал:

— Тебе кажется, что он обделён поздравлениями?

Ду Цзинфэй проследил за его взглядом, и на душе у него сразу стало как-то сложно:

— Почему там столько девчонок из других классов, которые суют ему воду? Эх, проклятье, опять он словил дозу пафоса.

Цяо Муюй лишь улыбнулся и ничего не ответил, продолжая склонившись работать над своим рисунком.

Вскоре на трибуны вихрем примчалась Сюй Жунцань.

Сама она в соревнованиях не участвовала, но запыхалась так, будто только что сошла с дистанции: вся в поту, голос сорван, но ей было не до того, чтобы попить воды:

— Вы видели?! Только что Лу Чжэнь...

— Видели-видели, обоими глазами видели, — перебил её Ду Цзинфэй, протягивая бутылку минералки, — чемпионство-то не твоё, чего ты так разволновалась?

— Да ну тебя, я вообще не об этом! — Сюй Жунцань недовольно зыркнула на него, — я хотела сказать, что когда Лу Чжэнь только что спустился после награждения, какая-то девчонка призналась ему в любви!

— Охренеть! Серьёзно?! — в Ду Цзинфэе тут же разгорелся дух сплетника, — что за девчонка? Из какого класса?

— Да не знаю я, поняла только, что из седьмого.

— И как Лу Чжэнь отреагировал? Согласился?

— Он её знать не знает, конечно же не согласился. Но девчонка не унималась и спросила, можно ли ей тогда попробовать его добиться. Я думала, он просто откажет и дело с концом, но угадайте, что произошло дальше?

Сюй Жунцань прервалась на полуслове и неторопливо отпила воды, намеренно затягивая интригу. Ду Цзинфэй аж заёрзал от нетерпения:

— Ну говори быстрее, что дальше-то?!

Сюй Жунцань загадочно улыбнулась:

— Он сказал, что нельзя, потому что у него уже есть человек, который ему нравится.

Услышав это, Цяо Муюй замер, его ручка остановилась, а внутри проснулось любопытство:

— Он ведь в нашей школе всего три месяца, и у него уже кто-то появился?

— Да кто сказал, что этот человек обязательно из нашей школы? Может, они были знакомы ещё раньше, — принялась строить догадки Сюй Жунцань, — или, может, семья устроила ему какой-нибудь договорной брак с пелёнок? Богатеи же обожают такие коммерческие союзы: брак по расчёту, любовь после свадьбы... О-о-о, красота, прямо в моём вкусе!

Ду Цзинфэй повёл бровью:

— Каких только глупых романов ты целыми днями читаешь.

— Да я же серьёзно! Их дворецкий Ван выглядит точь-в-точь как персонаж из книг про властных боссов. Все эти «молодой господин», «госпожа»... Ну кто в здравом уме так разговаривает в реальной жизни? Это же умора, ха-ха!

Пока Сюй Жунцань говорила, Ду Цзинфэй вдруг громко закашлялся и принялся отчаянно подмигивать ей глазами.

Сюй Жунцань обернулась и увидела только что вернувшегося Лу Чжэня.

Её улыбка тут же застыла на лице, и она, сгорая от неловкости, потащила Ду Цзинфэя прочь:

— Пошли-пошли-пошли, проводишь меня посмотреть на прыжки в высоту!

На лице Лу Чжэня не отразилось никаких лишних эмоций — похоже, он давно привык к подобным пересудам. Он с абсолютно спокойным видом присел отдохнуть.

Когда он запрокинул голову, чтобы попить воды, кадык на его шее дёрнулся, а капля пота скатилась от виска к ключице и беззвучно исчезла под воротником слегка влажной чёрной футболки.

Цяо Муюй молча отвёл взгляд и, заметив в его руках золотую медаль и почётную грамоту, с улыбкой поздравил:

— Поздравляю с победой. Забег был потрясающим.

— Спасибо.

Говоря это, Лу Чжэнь как раз повернул голову в его сторону. Его взгляд скользнул вниз и плавно опустился прямо на блокнот для набросков, лежавший на коленях Цяо Муюя.

Цяо Муюй резко сообразил, в чём дело, и поспешно закрыл рисунок руками:

— Эй, не смотри!

Но было уже поздно.

Изначально Лу Чжэнь лишь мельком мазнул взглядом по бумаге и не был уверен, что именно там изображено. Но теперь, видя такую реакцию, он понял всё на девяносто процентов:

— То, что ты нарисовал... кажется, это я?

— ...

Цяо Муюю нечего было ответить, его изнутри захлестнуло дикое чувство стыда.

Какая разница между тем, чтобы втихаря рисовать человека, и извращенцем, который тайно кого-то фотографирует?

Да ещё и быть пойманным с поличным самим натурщиком.

Его мочки ушей невольно запылали, он немного робел смотреть Лу Чжэню в глаза:

— Я просто так, ради забавы набросал. Если ты против, я сотру.

— Я не против, — отозвался Лу Чжэнь, — можно взглянуть?

Колеблясь пару секунд, Цяо Муюй послушно протянул ему блокнот.

Лу Чжэнь опустил взгляд. На рисунке силуэт бегущего юноши выглядел статным, экспрессивным и полным жизни.

Цяо Муюй работал карандашом уверенно и чётко, линии были тонкими и лёгкими. С помощью простых чёрных, белых и серых тонов он сумел невероятно живо передать игру света и тени.

В глазах Лу Чжэня промелькнул едва заметный огонёк, однако он никак не оценил саму работу, лишь спросил:

— Тебе очень нравится рисовать?

Цяо Муюй вспомнил их случайную встречу в книжном магазине, когда он покупал артбук, и открыто признал:

— Да, очень.

— Тогда почему ты не пошёл учиться на художественный?

Пальцы Цяо Муюя, сжимавшие карандаш, чуть напряглись, а в душе разлилась лёгкая горечь. Уходя от прямого ответа, он полушутя заметил:

— Мои оценки по общеобразовательным предметам такие хорошие, разве не было бы упущением уходить в искусство?

Лу Чжэнь всё понял и спросил снова:

— Можешь подарить мне этот рисунок?

Когда твоё творчество находит признание — это всегда приносит счастье. Цяо Муюй с улыбкой кивнул в знак согласия:

— Конечно. Если тебе нравится, забирай.

— Спасибо.

Лу Чжэнь уже собирался аккуратно вырвать страницу, как Цяо Муюю пришла в голову мысль:

— Погоди. Раз уж я дарю его тебе, дай я напишу небольшое посвящение на память.

— Хорошо, — Лу Чжэнь не стал возражать и вернул ему блокнот.

Цяо Муюй отыскал в рюкзаке синюю гелевую ручку. Поразмыслив несколько секунд, он в итоге вывел короткое пожелание:

«То: Лу Чжэнь. Пусть сердце горит огнём, а жизненный путь будет усыпан цветами».

Закончив писать, он по привычке добавил в правом нижнем углу рисунка свою личную подпись — простой схематичный набросок маленькой рыбки.

— Готово! Эта рыбка символизирует меня, — Цяо Муюй с удовлетворением закрыл колпачок ручки, — мило, правда?

Межбровье Лу Чжэня едва заметно дрогнуло. Он заворожённо уставился на синюю рыбку и на какое-то время забыл, что нужно ответить.

Заметив, что выражение его лица стало каким-то странным, Цяо Муюй тоже засомневался:

— Что такое? Тебе не нравится? Тогда давай я зарисую её чем-нибудь другим?

— Не нужно, — внезапно выговорил Лу Чжэнь, — мне нравится рыбка.

Лицо Цяо Муюя в одно мгновение вспыхнуло пунцовым цветом, и он, изо всех сил стараясь казаться невозмутимым, выдавил: «Оу».

То, как он это сказал... звучало слишком двусмысленно.

После целого дня искренних и эмоциональных кричалок в поддержку своих команд, на второй день голоса учеников в той или иной степени осипли.

В программе соревнований у первого класса осталось совсем немного дисциплин, поэтому атмосфера на трибунах заметно расслабилась.

Кто-то резался в настолки, кто-то резался в карты, а кто-то собрался кучкой, чтобы пощелкать семечки и перемыть кому-нибудь косточки. Если посмотреть со стороны — мало кто занимался делом.

Хуан Чжэнсэнь, участвовавший в прыжках в длину, сегодня прыгнул выше своей головы. Каким-то чудом заняв четвёртое место, он со скоростью молнии собрал свои вещи и вернулся на трибуны триумфатором.

Ду Цзинфэй, бывший с ним в хороших отношениях, с улыбкой похвалил его, а затем в нём проснулась тяга к пакостям. Он протянул ему банку колы, которую до этого усердно тряс добрых полчаса, преподнеся её как награду за великолепное выступление.

Ничего не подозревающий Хуан Чжэнсэнь с довольным видом принял подношение. Но стоило ему потянуть за кольцо, как кола из банки бесконтрольным фонтаном хлынула наружу.

Испугавшись, Хуан Чжэнсэнь отбросил банку в сторону, и в результате половина липкой газировки прилетела напрямиком на сидевшего рядом несчастного Цяо Муюя.

Цяо Муюй: «...»

— Прости, староста! Я не нарочно! — с несчастным видом взмолился о пощаде Хуан Чжэнсэнь.

Цяо Муюй разозлился ровно на секунду, но он не был из тех, кто станет устраивать разнос из-за чужой случайной оплошности. Ему оставалось лишь сквозь зубы процедить:

— Всё нормально.

Хуан Чжэнсэню было безумно неловко, поэтому он обернулся, порылся в своём рюкзаке и выудил оттуда спортивные штаны:

— Староста, я взял с собой запасные чистые штаны. Может, пойдёшь переоденешься?

Цяо Муюй потеревил свои промокшие насквозь брюки и беспомощно вздохнул:

— Спасибо.

Цяо Муюй, прихватив штаны, направился к спортивному комплексу, который примыкал прямо к стадиону. Однако в здешнем туалете скопилась приличная очередь: если ждать, пока она дойдёт до него, его мокрая одежда, пожалуй, высохнет сама собой.

Он осмотрелся по сторонам и заметил, что в соседней комнате для хранения спортивного инвентаря царит полная тишина — судя по всему, там никого не было.

По счастливой случайности дверь оказалась незапертой. Он толкнул её и вошёл внутрь, но, стоило ему поднять глаза, как он увидел силуэт высокого парня.

Тот как раз поднял руки, стягивая с себя чёрную футболку и обнажая бледную кожу спины. Линии плеч и позвоночника у юноши были плавными и точёными, на подтянутой и крепкой талии блестели капли пота, а сама она изящно сужалась, уходя в свободные чёрные брюки.

По всей видимости, он только что завершил соревнования по прыжкам в длину, так как его спортивные штаны были сплошь покрыты мелким жёлтым песком.

Услышав шорох за спиной, парень обернулся и перекрёсся взглядом со стоящим в дверях Цяо Муюем.

Лу... Лу Чжэнь?

— Ой, прости! — Цяо Муюй в замешательстве отвернулся, стараясь не смотреть на него, — я думал, здесь никого нет.

<http://bllate.org/book/17258/1691444>